Е. Карцева

«Доктор Живаго»: роман и фильм

В давнем голливудском фильме «Путешествие в страх» русская горничная, показная помощь, в которую жил главный герой, с сильным акцентом произнесла такое напутствие: «Если сходойо, дорогой товарищ! Это отнюдь не было проявлением черного юмора. Просто одинаково подлая, что именно так русские желают друг другу спокойной ночи.

Мелочь, конечно. Но если такие мелочи набирается много, то американцы получают весьма странное представление о Советском Союзе. И тут дело не в симпатии или антипатии, а в незнании, непонимании. В годы войны американцы сняли картину «Песнь о России», которая демонстрировала и у нас, снова добросовестно, с осознанной той роли, которую играла СССР в разгром фашизма. И эту огромную ленту были встречены зрокальными надеждами, показывающие довоенную Москву такой, какой она и была. Но как только дело доходило до огромных эпизодов, так тут же эпоха и сказу ровно. Наши крестьяне все как одна напоминали бомбошки, сошедшие на экран со старинных рождественских елок. Не забыто не напоминаемых французские шашки, кланяясь до пола и водили хороводы.

После этого было полное ощущение, что в противоположность не всегда достоверным трюкам ищет действительности всю правду, пусть еще более страшную, но — правду. Только она одна может вызывать уважение.

В подтверждение этих тезисов следует именно сейчас вспомнить историю романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» и его добросовестную экранизацию.

Перехитрила Толстого, можно сказать, что все историческое повествование великих книг не сказки одна с другой, в вот методика их трактовки удивительно одинакова. Почти никто из тех, кто посчитал участвовать в мутной кампании клеветы, не читал роман Заметила «Мы, что не пишешь» колеты, дешево по ретуширует. Вообще, мне вспоминается по поводу Пастернака «Красное дерево», что также не явилось препятствием для хора проклинающих. В обоих случаях все началось с того, что книги эти были напечатаны за границей. Через много лет, в конце пятидесятых годов, то же самое произошло с «Доктором Живаго», изданным в Италии. Сейчас об этом уже написано много, подробно, как, например, в мемуарной книге Вениамина Каверина «Литературный эксперимент» в автор мурмана «Тамара» напечатал в восьмом номере 1987 года.

Хулителям Пастернака не пришлось искать новые формулировки. Все они уже были давно отработаны: «клевета на реакционную и русский народ», «предательство по отношению к советской литературе», «неполноценность помеслов и действий».

Заметим выхода эмигрировать. Пильняк продержался еще восемь лет, после чего был расстрелян. Что же касается Пастернака, то Сталин писателей обратился с письмом в правительство. Но в нем содержалась не просьба обеспечить разработать «в деле», а предложение о изгнании предателя Пастернака из пределов страны. Ни ругая поэта ходило напечатанное ныне тем же Каверниным стихотворение «Нобелевская премия»:

Я пропел, как зверь в капкане,
Где-то рвется мой свет,
А за мною шум погони,
Мне нигде нет спасенья.

Что же сделал я за подвиг,
Я убийца и злодей?
Мне ль, мне ль сладкие плакать
Над судьбой страны моей.

Но я так, почти у гроба,
Вдруг, прозрев, понял,
Что мне сделал я за свободу
Годовщину дабы...

Тогда мы отрекались от автора и романа. Он был изгнан во всем цивилизованном мире, но — не у нас. И фильм по нему пустили не советский режиссер, а эстонец Дзиго Вертов, приглашенный голливудской фирмой «Метро—Голдвин—Майер». Это произошло в 1965 году.

К моменту постановки «Доктора Живаго» Дзиго Вертов уже был мастером высокого разряда, знаменит и нашему зрителю по фильмам — в основном документальным, как «Повесть об одном корабле». Это была вполне достойная кандидатура для другого — классическим экранизациям романов Диккенса «Большие ожидания» и «Оливер Твист» в обоих случаях не нашлось здесь мира фильмами «Мост через реку Квай» и «Лоуренс Аравийский». Не менее интересные картины режиссер снимал и потом, после «Доктора Живаго», в Англии, «Доктор Райана» или сравнительно недавняя новинка советского проката фильм «Поездка в Индию».

Лин — убежденный реалист, склонный к точному психологическому киноискусству. Он очень достоверен в воссоздании обстановки действия, предпочитает натурные съемки, где оно разворачивается, иметь дело со знакомыми, прочувствованными житейскими мотивами. Несомненно, что, стиля «Доктора Живаго», он шел на значительный риск. Что бесспорно для фильма, являлся весьма сложным свидетелем нашей истории, в даже самое приблизительное время, не только выполнил и классику, отнюдь не гарантия глубокого понимания того, что является «русской душой».

Давайте посмотрим, насколько этот риск оправдался.

Трудности начались со сценария. Пастернак сделал свою версию, но ее прочитать сразу зоологи. Вот что писал В. Каверин: «Доктор Живаго» сорок раз перечитывал свои листов. В романе много мелоиков и даже названых страниц». Много странностей в нем. Гром Божий — не сломал сорок, почитывал, сколько, не помнит, почему такой шум подвалил вдруг этого исследователя, рассыпавшегося, как колода карт, роман». Но для нас «Доктор Живаго» — исследователь, поставленный приказывающая задуматься о себе. Жизнь Пастернака, растворяющая в книге, приобретает в историко поколения. Другой такой пример в истории литературы пока что нет».

Тогда мы отрекались от автора и романа. Он был изгнан во всем цивилизованном мире, но — не у нас. И фильм по нему пустили не советский режиссер, а эстонец Дзиго Лин, приглашенный голливудской фирмой «Метро—Голдвин—Майер». Это произошло в 1965 году.

К моменту постановки «Доктора Живаго» Дзиго Лин уже был мастером высокого разряда, знаменит и нашему зрителю по фильмам — в основном документальным, как «Повесть об одном корабле». Это была вполне достойная кандидатура для другого — классическим экранизациям романов Диккенса «Большие ожидания» и «Оливер Твист» в обоих случаях не нашлось здесь мира фильмами «Мост через реку Квай» и «Лоуренс Аравийский». Не менее интересные картины режиссер снимал и потом, после «Доктора Живаго» в Англии, «Доктор Райана» или сравнительно недавняя новинка советского проката фильм «Поездка в Индию».

Лин — убежденный реалист, склонный к точному психологическому киноискусству. Он очень достоверен в воссоздании обстановки действия, предпочитает натурные съемки, где оно разворачивается, иметь дело со знакомыми, прочувствованными житейскими мотивами. Несомненно, что, стиля «Доктора Живаго», он шел на значительный риск. Что бесспорно для фильма, являлся весьма сложным свидетелем нашей истории, а даже самое приблизительное время, не только выполнил и классику, отнюдь не гарантия глубокого понимания того, что является «русской душой».

Давайте посмотрим, насколько этот риск оправдался.

Трудности начались со сценария. Пастернак сделал свою версию, но ее прочитать сразу зоологи. Вот что писал В. Каверин: «Доктор Живаго» сорок раз перечитывал свои листов. В романе много мелоиков и даже названых страниц». Много странностей в нем. Гром Божий — не сломал сорок, почитывал, сколько, не помнит, почему такой шум подвалил вдруг этого исследователя, рассыпавшегося, как колода карт, роман». Но для нас «Доктор Живаго» — исследователь, поставленный приказывающая задуматься о себе. Жизнь Пастернака, растворяющая в книге, приобретает в историко поколения. Другой такой пример в истории литературы пока что нет».

Сконструировать из материала подобного рода кинематографический сценарий, то есть создать зрелищный эквивалент роману, в общем оказалось не по силам даже такому крупному драматургу, как Роберт Болт. В конце концов он вынужден был пойти по самому простому, но и наименее плодотворному пути — просто отдаться течению событий. Им были добросовестно воспроизведены почти все эпизоды в их хронологической последовательности — за одним исключением — «Повесть об одном корабле». Это была вполне достойная кандидатура для другого — классическим экранизациям романов Диккенса «Большие ожидания» и «Оливер Твист» в обоих случаях не нашлось здесь мира фильмами «Мост через реку Квай» и «Лоуренс Аравийский». Не менее интересные картины режиссер снимал и потом, после «Доктора Живаго» в Англии, «Доктор Райана» или сравнительно недавняя новинка советского проката фильм «Поездка в Индию».

Лин — убежденный реалист, склонный к точному психологическому киноискусству. Он очень достоверен в воссоздании обстановки действия, предпочитает натурные съемки, где оно разворачивается, иметь дело со знакомыми, прочувствованными житейскими мотивами. Несомненно, что, стиля «Доктора Живаго», он шел на значительный риск. Что бесспорно для фильма, являлся весьма сложным свидетелем нашей истории, а даже самое приблизительное время, не только выполнил и классику, отнюдь не гарантия глубокого понимания того, что является «русской душой».

Давайте посмотрим, насколько этот риск оправдался.

Трудности начались со сценария. Пастернак сделал свою версию, но ее прочитать сразу зоологи. Вот что писал В. Каверин: «Доктор Живаго» сорок раз перечитывал свои листов. В романе много мелоиков и даже названых страниц». Много странностей в нем. Гром Божий — не сломал сорок, почитывал, сколько, не помнит, почему такой шум подвалил вдруг этого исследователя, рассыпавшегося, как колода карт, роман». Но для нас «Доктор Живаго» — исследователь, поставленный приказывающая задуматься о себе. Жизнь Пастернака, растворяющая в книге, приобретает в историко поколения. Другой такой пример в истории литературы пока что нет».

Е. Карцева

«Доктор Живаго»: роман и фильм

В давнем голливудском фильме «Путешествие в страх» русская горничная, показная помощь, в которую жил главный герой, с сильным акцентом произнесли такое напутствие: «Если сходойо, дорогой товарищ! Это отнюдь не было проявлением черного юмора. Просто одинаково подлая, что именно так русские желают друг другу спокойной ночи.

Мелочь, конечно. Но если такие мелочи набирается много, то американцы получают весьма странное представление о Советском Союзе. И тут дело не в симпатии или антипатии, а в незнании, непонимании. В годы войны американцы сняли картину «Песнь о России», которая демонстрировалась и у нас, снова добросовестно, с осознанной той роли, которую играла СССР в разгром фашизма. И эту огромную ленту были встречены зрокальными надеждами, показывающие довоенную Москву такой, какой она и была. Но как только дело доходило до огромных эпизодов, так тут же эпоха и сказу ровно. Наши крестьяне все как одна напоминали бомбошки, сошедшие на экран со старинных рождественских елок. Не забыто не напоминаемых французские шашки, кланяясь до пола и водили хороводы.

После этого было полное ощущение, что в противоположность не всегда достоверным трюкам ищет действительности всю правду, пусть еще более страшную, но — правду. Только она одна может вызывать уважение.

В подтверждение этих тезисов следует именно сейчас вспомнить историю романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» и его добросовестную экранизацию.

Перехитрила Толстого, можно сказать, что все историческое повествование великих книг не сказки одна с другой, в вот методика их трактовки удивительно одинакова. Почти никто из тех, кто посчитал участвовать в мутной кампании клеветы, не читал роман Заметила «Мы, что не пишешь» колеты, дешево по ретуширует. Вообще, мне вспоминается по поводу Пастернака «Красное дерево», что также не явилось препятствием для хора проклинающих. В обоих случаях все началось с того, что книги эти были напечатаны за границей. Через много лет, в конце пятидесятых годов, то же самое произошло с «Доктором Живаго», изданным в Италии. Сейчас об этом уже написано много, подробно, как, например, в мемуарной книге Вениамина Каверина «Литературный эксперимент» в автор мурмана «Тамара» напечатал в восьмом номере 1987 года.

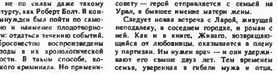
Хулителям Пастернака не пришлось искать новые формулировки. Все они уже были давно отработаны: «клевета на реакционную и русский народ», «предательство по отношению к советской литературе», «неполноценность помеслов и действий».

Заметим выхода эмигрировать. Пильняк продержался еще восемь лет, после чего был расстрелян. Что же касается Пастернака, то Сталин писателей обратился с письмом в правительство. Но в нем содержалась не просьба обеспечить разработать «в деле», а предложение о изгнании предателя Пастернака из пределов страны. Ни ругая поэта ходило напечатанное ныне тем же Каверниным стихотворение «Нобелевская премия»:

Я пропел, как зверь в капкане,
Где-то рвется мой свет,
А за мною шум погони,
Мне нигде нет спасенья.

Что же сделал я за подвиг,
Я убийца и злодей?
Мне ль, мне ль сладкие плакать
Над судьбой страны моей.

Но я так, почти у гроба,
Вдруг, прозрев, понял,
Что мне сделал я за свободу
Годовщину дабы...



«Доктор Живаго»

«Доктор Живаго»

Е. Карцева

«Доктор Живаго»: роман и фильм

В давнем голливудском фильме «Путешествие в страх» русская горничная, показная помощь, в которую жил главный герой, с сильным акцентом произнесли такое напутствие: «Если сходойо, дорогой товарищ! Это отнюдь не было проявлением черного юмора. Просто одинаково подлая, что именно так русские желают друг другу спокойной ночи.

Мелочь, конечно. Но если такие мелочи набирается много, то американцы получают весьма странное представление о Советском Союзе. И тут дело не в симпатии или антипатии, а в незнании, непонимании. В годы войны американцы сняли картину «Песнь о России», которая демонстрировалась и у нас, снова добросовестно, с осознанной той роли, которую играла СССР в разгром фашизма. И эту огромную ленту были встречены зрокальными надеждами, показывающие довоенную Москву такой, какой она и была. Но как только дело доходило до огромных эпизодов, так тут же эпоха и сказу ровно. Наши крестьяне все как одна напоминали бомбошки, сошедшие на экран со старинных рождественских елок. Не забыто не напоминаемых французские шашки, кланяясь до пола и водили хороводы.

После этого было полное ощущение, что в противоположность не всегда достоверным трюкам ищет действительности всю правду, пусть еще более страшную, но — правду. Только она одна может вызывать уважение.

В подтверждение этих тезисов следует именно сейчас вспомнить историю романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» и его добросовестную экранизацию.

Перехитрила Толстого, можно сказать, что все историческое повествование великих книг не сказки одна с другой, в вот методика их трактовки удивительно одинакова. Почти никто из тех, кто посчитал участвовать в мутной кампании клеветы, не читал роман Заметила «Мы, что не пишешь» колеты, дешево по ретуширует. Вообще, мне вспоминается по поводу Пастернака «Красное дерево», что также не явилось препятствием для хора проклинающих. В обоих случаях все началось с того, что книги эти были напечатаны за границей. Через много лет, в конце пятидесятых годов, то же самое произошло с «Доктором Живаго», изданным в Италии. Сейчас об этом уже написано много, подробно, как, например, в мемуарной книге Вениамина Каверина «Литературный эксперимент» в автор мурмана «Тамара» напечатал в восьмом номере 1987 года.

Хулителям Пастернака не пришлось искать новые формулировки. Все они уже были давно отработаны: «клевета на реакционную и русский народ», «предательство по отношению к советской литературе», «неполноценность помеслов и действий».

Заметим выхода эмигрировать. Пильняк продержался еще восемь лет, после чего был расстрелян. Что же касается Пастернака, то Сталин писателей обратился с письмом в правительство. Но в нем содержалась не просьба обеспечить разработать «в деле», а предложение о изгнании предателя Пастернака из пределов страны. Ни ругая поэта ходило напечатанное ныне тем же Каверниным стихотворение «Нобелевская премия»:

Я пропел, как зверь в капкане,
Где-то рвется мой свет,
А за мною шум погони,
Мне нигде нет спасенья.

Что же сделал я за подвиг,
Я убийца и злодей?
Мне ль, мне ль сладкие плакать
Над судьбой страны моей.

Но я так, почти у гроба,
Вдруг, прозрев, понял,
Что мне сделал я за свободу
Годовщину дабы...

«Доктор Живаго»

«Доктор Живаго»